
ТИТУЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Е. В. Пчелов

Под титульной геральдикой подразумевается комплекс территориальных гербов, символизировавших те земли, названия которых входили в объектный или территориальный титул монарха. Объектный титул русских государей начал формироваться еще в середине XV века, при Василии II, но в качестве непрерывной традиции он прослеживается с середины 1470-х годов, то есть со времени великого княжения Ивана III¹. Эта часть титула прошла длительную эволюцию, постепенно увеличиваясь и изменяясь, и в конечном итоге достигла более полусотни наименований во второй половине XIX века. Гербы титульных земель являлись важной частью как территориальной, так и государственной геральдики России. Впервые титульные эмблемы зафиксированы в эпоху Ивана Грозного. Первым памятником сфрагистики, включающим значительный комплекс титульных эмблем (названных «печатами»), является Большая печать Ивана IV, время создания которой исследователи относят к концу 1570-х годов (до 1578 года)². С этого времени и до конца XVII века (за допетровский период) известно несколько вещественных источников, на которых присутствуют титульные гербы в той или иной комбинации, а также и росписи печатей, в которых описаны титульные эмблемы.

Первый перечень таких вещественных памятников был представлен еще А. Б. Лакиером в его классическом труде по русской геральдике. Лакиер упомянул четыре таких источника, включая саму печать Ивана Грозного. Помимо печати это также завеса трона московских царей (под которой на самом деле, как выяснилось позднее, следует подразумевать саадачный покровец Большого наряда), тарелка царя Алексея Михайловича (сделанная мастером Юрием Фробосом в 1675 году) и рисунок государственного герба из дневника Иоганна Георга Корба, секретаря имперского посольства, побывавшего в России в 1698–1699 годах³. Последний источник не является рисунком герба с государственной печати, поскольку печати такого типа вовсе в тот (и более ранние) период неизвестны, а, возможно, представляет собой рисунок изображения на каком-то предмете (или в каком-то письменном памятнике) или даже вовсе некую реконструкцию, имевшую, впрочем, реальные прототипы, по крайней мере, в изображениях титульных гербов⁴. (Однако рисунок Корба из нашего рассмотрения опустим, поскольку он относится уже к петровскому времени). В начале XX века в научный оборот был введен еще один, важнейший источник по русской допетровской геральдике – «Царский титулярник» 1672 года (по экземпляру Российского государственного архива древних актов (РГАДА)), изданный типографским способом⁵. Титульные гербы были воспроизведены в этом издании в черно-белом варианте.

В послевоенный период настоящий прорыв в исследовании русской титульной геральдики был совершен А. А. Ураносовым, который в 1952 году в Московском государственном историко-архивном институте, чьим выпускником являлся, защитил кандидатскую диссертацию, оставшуюся, к сожалению, неопубликованной⁶. И хотя некоторые ее материалы были

учтены в учебнике Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова, многие конкретные наблюдения автора не вошли в актуальную историографию. Заслугой А. А. Ураносова явилось привлечение к исследованию письменных источников, включая первую сохранившуюся роспись печатей (среди которых были и печати с территориальными эмблемами), датирующуюся 1626 годом. Однако Ураносову остались неизвестны некоторые вещественные памятники.

Впоследствии как в конкретных, так и в обобщающих исследованиях накапливались данные по истории отдельных титульных гербов и делались попытки, более или менее успешные, определить их происхождение⁷. Попытка в 1981 году представить обобщающий свод изображений, построенный, впрочем, по алфавитному принципу (а не по порядку перечисления объектов в титуле), добавила к уже имеющимся источникам лишь «знамя гербовное» царя Алексея Михайловича 1666–1678 годов, описание которого было опубликовано еще в середине XIX века⁸. Между тем, круг источников (как изобразительных, так и письменных) может быть существенно расширен, в том числе и за счет музейных памятников, оставшихся вне поля зрения А. Б. Лакиера и последующих исследователей. Поэтому назрела необходимость заново очертить источниковую базу вопроса и провести сравнительное исследование комплекса титульных эмблем в их историческом развитии.

Большая печать Ивана Грозного была создана в период Ливонской войны, и это обстоятельство, по-видимому, определило саму структуру изображения на ней. Печать, безусловно, подражала подобным печатям европейских государей и была призвана символически обозначить новые территориальные приобретения московского царя, выраженные также и в титуле (в форме «господарь земли Лифляндские», в многочисленных вариациях). На этой двусторонней печати были впервые представлены эмблемы земель, расположенные в соответствии с их упоминанием в объектном титуле (самый титул обозначен в легенде печати). На обеих изображено по двенадцать «печатей» земель, всего – двадцать четыре. Три последние печати (печать рижского архиепископа, «города Ревале» (на самом деле Вендена) и магистра «Лифляндские земли»), а также печать «Полотцкая» с «колюмнами Гедимины», которые, собственно, и символизировали новые подвластные территории, являются чистыми заимствованиями (более или менее точными) из европейской геральдики. Таким же заимствованием является и изображение с печати смоленской (идуший медведь), которое по ошибке было отнесено в общей композиции к печати тверской (инверсия была вызвана соотношением рисунка матрицы и оттиска; сам же медведь как обозначение Смоленской земли известен в сфрагистике и геральдике Великого княжества Литовского⁹). Поэтому, собственно, к «русским» можно отнести девятнадцать эмблем¹⁰.

Если рассмотреть эти эмблемы в комплексе, то будет очевидно, что большинство из них представляют собой композиции, состоящие из одной фигуры (как правило, животного происхождения). Достаточно условный, эмблематический характер имеют только четыре печати (т. е. примерно 1/3 часть). Это печать новгородская со сложной композицией, центр которой занимает ступенчатое возвышение («место») с положенным на нем посохом, казанская с изображением коронованного дракона,

астраханская с изображением волка и короны над его головой, тверская (названная в легенде смоленской) с тронем и лежащим на нем венцом. Двенадцать печатей (примерно $\frac{2}{3}$ от общего числа эмблем) представляют собой изображения различных животных, из которых девять зверей, две рыбы и одна птица. Наконец, на трех печатях изображено оружие (лук со стрелой, сабля, стрела).

Иными словами, в большинстве случаев, как можно думать, эти территориальные эмблемы характеризуют или местную природу, или промысловую (охота; возможно, коневодство) и военную деятельность. В этом смысле они, бесспорно, являются символами конкретных земель (а вовсе не неких отвлеченных понятий), хотя эта символизация далеко не всегда очевидна и ясна. Среди вполне логичных символических сопоставлений можно отметить, к примеру, обозначение Югорской земли белкой, Белозерской и Ярославской земель – рыбами, Сибирской земли – стрелой, Пермской, Удорской и Обдорской земель – пушными зверями.

Иной смысл вкладывался в сугубо «эмблематические» образы новгородской, казанской, тверской и, вероятно, астраханской печатей. Как можно думать, по крайней мере новгородская эмблема прошла определенную предшествующую эволюцию¹¹. Вполне очевидным кажется и сопоставление казанской эмблемы с циклом литературных памятников, посвященных взятию Казани¹². Как бы то ни было, печать Ивана Грозного была, очевидно, первой попыткой геральдической символизации земель, подчиненных московскому царю, и в этом смысле является важным начальным шагом в формировании самого представления о территориальном гербе на русской почве.

В комплексе этих титульных эмблем можно увидеть прототип всей дальнейшей традиции территориальной и городской геральдики России. Это сравнительно редкое использование чисто эмблематических изображений (по типу европейских «эмблемата») и стремление отразить конкретику данного региона с помощью природных и отчасти хозяйственных образов. Собственно, то, что и было характерно для территориальной геральдики имперского периода, особенно в определенные, наиболее «продуктивные» периоды ее истории.

Изображение с лицевой стороны Большой печати Ивана IV было воспроизведено на доспехе Лжедмитрия I, части которого в настоящее время хранятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге. Доспех был создан в 1605–1606 годах по заказу Лжедмитрия в миланской мастерской прославленного оружейника Помпео делла Кьеза, но не был отправлен в Россию (в связи с гибелью заказчика)¹³. Уже в XIX веке его приобрел в Европе известный коллекционер А. П. Базилевский, передавший затем предмет в дар Александру II. На обоих оплечьях доспеха помещены чеканные изображения лицевой стороны Большой печати – по-видимому, только ее оттиск был отправлен вместе с заказом. Надо сказать, что, несмотря на высказывавшиеся иные мнения¹⁴, западноевропейские мастера довольно точно воспроизвели все территориальные эмблемы (благодаря чему появляется возможность более определенной идентификации некоторых эмблем, например «югорской» белки). Единственное исключение – астраханская печать, на которой вместо хищного зверя (по-видимому, волка) изображено некое животное

с рогами (на одном из воспроизведений печати на доспехе). Иными словами, бесспорным образцом для геральдической композиции на доспехе послужила печать Ивана Грозного, изображения с которой не претерпели никаких существенных изменений. Желание Лжедмитрия поместить государственные геральдические символы Ивана Грозного на доспехе понятно. После смерти Ивана Грозного Большая печать не использовалась его преемниками, и только, как известно, Лжедмитрий вновь начал пользоваться ею, желая подчеркнуть свою преемственность мнимому отцу. Геральдический доспех также входил в ряд этой репрезентационной традиции.

Новый этап в истории титульной геральдики начался с воцарением на русском престоле новой династии Романовых. Ко времени правления царя Михаила Федоровича относится первое описание титульных эмблем, которое входит в «Роспись всем государевым печатям». Согласно исследованию А. А. Ураносова, роспись датируется 1626 годом и представляет собой опись сфрагистического имущества Посольского приказа, составленную после известного московского пожара 10 мая 1626 года. В этой росписи перечислены в том числе и десять земельных печатей (из чего можно сделать однозначный вывод, подтверждающийся и сохранившимися оттисками, что печати титульных «государств» существовали в реальности)¹⁵. Роспись дает описания печатям: новгородской, псковской, Казанского государства, астраханской, Сибирского государства, нижегородской, смоленской, рязанской, тверской и вятской – их перечисление не вполне соответствует порядку перечисления территориальных объектов в титуле. Из них шесть печатей по своим изображениям совпадают с титульными печатями времен Ивана Грозного, а четыре – не совпадают полностью или частично. Примечательно, что изображения на смоленской и тверской печатях (которые были перепутаны на Большой печати Ивана Грозного по причине зеркального воспроизведения на матрице) соответствуют таковым же с печати Ивана Грозного – иными словами, к 1626 году как сохранялись печати старого образца, «грозненской традиции», так и появились новые. Из абсолютно новых печатей в «Росписи» отмечены астраханская, сибирская и рязанская, а также видоизменена вятская (к луку со стрелой добавлена рука).

Комплекс этих изображений почти полностью воспроизведен на третьем по времени вещественном источнике с изображениями титульных гербов, который также относится ко времени правления Михаила Федоровича. А. Б. Лакиер называл его «завесой» или «пеленой»¹⁶, поскольку этот предмет действительно когда-то висел на задней стенке двойного трона царей Ивана и Петра Алексеевичей. Однако на самом деле это саадачный покровец Большого наряда, в «Описи Московской Оружейной палаты» датированный широко – XVII веком¹⁷. Известно, что саадак Большого наряда был создан в мастерских Московского Кремля иностранными мастерами в 1627–1628 годах¹⁸. Именно тогда происходило масштабное «обновление» царских регалий. По-видимому, и покровец Большого наряда мог быть также сделан в конце 1620-х годов. В таком случае образцом для изображений титульных печатей на нем могли послужить печати, упомянутые в росписи 1626 года.

Центральное место на покровце занимает государственный двуглавый орел с ездецом на груди, а на широкой кайме помещены изображения двенадцати титульных «печатей», причем их порядок расположения не соответствует порядку перечисления в титуле. Эти двенадцать печатей-эмблем

следующие: новгородская, казанская, астраханская, тверская, псковская, сибирская, пермская, рязанская, вятская, болгарская, ростовская, нижегородская. Из титульных земель в порядке их перечисления в титуле были пропущены смоленская, югорская и черниговская, но, если пропуск смоленской печати можно объяснить утратой реального контроля над Смоленском, хотя в титуле этот объект продолжал сохраняться, то пропуск югорской и черниговской эмблем объяснения не находит. Из двенадцати печатей покровца изображения по меньшей мере на пяти не совпадают с изображениями печатей времен Ивана Грозного, но четыре из них соответствуют описаниям по росписи 1626 года – это печати астраханская, сибирская, рязанская и вятская. Изображение ростовской печати отличается от печати времен Ивана Грозного: теперь вместо птицы на ней помещался олень, однако описание этой печати отсутствует в росписи 1626 года. Кроме того, на покровце была исправлена инверсия смоленской и тверской эмблем. Теперь «место с шапкой» стало тверской печатью, а смоленский (ранее ошибочно тверской) медведь был усвоен Пермской земле (пермская печать времен Ивана Грозного представляла изображение какого-то зверя с относительно длинным хвостом, возможно росомахи). Таким образом, создатели покровца ориентировались на земельные печати, упоминавшиеся, в том числе, и в росписи 1626 года (что, кстати, подтверждается изображением «земли» на некоторых из них, особо оговоренной в росписи), однако в некоторых случаях в состав титульных эмблем были внесены определенные коррективы (исправлена инверсия тверской и смоленской эмблем, а смоленская была «перенесена» на пермскую).

Можно полагать, таким образом, что в 1626–1627 годах произошла новая «реформа» титульной геральдики Московского государства, которая была связана в том числе с созданием нового корпуса царских регалий. Новые изображения титульных эмблем в большинстве своем не эволюционировали из старых, а были созданы заново. В некоторых случаях эти эмблемы имели «природную» семантику (сибирские соболя с кедровым деревом, ростовский олень), в других носили чисто символический характер, частью связанный с образами или регалиями власти (астраханский венец с саблей, рязанский человек с мечом).

Второй «геральдический» саадачный покровец, атласный, голубой, в «Описи Московской Оружейной палаты» также датируется XVII веком, хотя в 1687 году был уже достаточно старым¹⁹. Здесь по периметру вокруг двуглавого орла помещено десять клейм с титульными эмблемами. Это новгородская, казанская, астраханская, псковская, тверская, пермская, сибирская, ростовская, вятская и рязанская печати. Как видим, здесь пропущены не только те же эмблемы, что и на предшествующем покровце, но также болгарская и нижегородская. Изображения территориальных эмблем повторяют аналогичные изображения на первом покровце, но выполнены более художественно. Судя по особенностям изображения двуглавого орла, этот покровец был выполнен еще до войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче, во всяком случае, до 1667 года.

Следующий этап формирования государственной символики и репрезентации царской власти датируется временем правления Алексея Михайловича, а точнее периодом войны с Речью Посполитой в 1654–1667 годах, в особенности ее окончательного этапа. В преддверии завершения

войны и в первые годы после Андрусовского перемирия происходило масштабное «переформатирование» визуальных признаков царской власти, ознаменовавшееся созданием нового варианта государственного герба в 1667 году, формированием первого государственного флага для репрезентации военной мощи России в международных водах (флаг корабля «Орел», строившегося в 1667–1669 годах), наконец, изменением самого комплекса титульных гербов, завершившимся созданием «Титулярника» 1672 года. Причем начало этого масштабного процесса относится еще к середине 1650-х годов, когда появились принципиально новые варианты царского титула (изменения титула были «первичны») и новый вариант государственного орла на печати нового, Малороссийского приказа.

В контексте этого процесса появилось и новое знамя государя. По указу Алексея Михайловича от 13 октября 1665 года в 1666 году было построено гербовое (гербовное) знамя, которое расписывал мастер Станислав Лопуцкий с помощниками. В соответствии с указом на этом знамени должны были изобразить двенадцать «печатей государств», то есть титульных гербов. Их описание позволяет уточнить, что именно подразумевалось под конкретными изображениями. Это были печати новгородская (престол с посохом, двумя медведями и двумя рыбами лодогами), казанская (василиск в короне), астраханская (золотой венец с саблей), сибирская (кедровое дерево с двумя соболями), псковская («рысь бежащая»), тверская (престол с царским венцом), пермская («медведь идущей»), вятская (рука с луком), болгарская («барс идущей»), нижегородская («лось ступает»), рязанская (воин с саблей), ростовская (олень)²⁰. В документе от 1671 года указано, что Лопуцкий изобразил четырнадцать «печатей в гербах», здесь, по-видимому, посчитаны еще центральное изображение с двуглавым орлом и ездецом и печать смоленская, по описаниям знамени на нем присутствующая. Судя по тем же описаниям, на знамени были также изображены гербы киевский и владимирский, то есть общее количество титульных эмблем (не считая двуглавого орла с ездецом) на самом деле должно было равняться пятнадцати. Но на опубликованном рисунке знамени присутствует только тринадцать эмблем (если не считать московского ездеца на груди орла): есть смоленская, но нет киевской и владимирской. На знамени также имеется надпись, что оно «написано» 10 апреля 1678 года²¹, чем и вызвана его датировка в описаниях XIX века как 1666–1678 годы. Как бы то ни было, изображения на печатях, которые должны помещаться на знамени, были зафиксированы уже в тексте указа 1665 года. В составе титульных эмблем отсутствуют некоторые изображения, соответствующие бывшим землям Речи Посполитой, хотя их названия и перечислены в составе царского титула, помещенного на знамени (Полоцкий, Черниговский и т. д.), зато присутствует новая титульная эмблема – смоленская. Она представляет собой совершенно новую эмблему – изображение пушки с сидящей на ней птицей, что, вероятно, связано с отвоеванием города у Речи Посполитой (прежний, литовский, герб Смоленска с изображением медведя уже давно перестал быть актуальным).

В 1667 году произошло еще одно важное событие – официальное объявление наследником престола царевича Алексея Алексеевича. С этим было связано создание еще одного саадака в 1667 году²² специально для царевича. На нем помещено изображение Московского кремля под двуглавым орлом, а кроме того, и титульные эмблемы – новгородская, казанская,

астраханская, сибирская, псковская, тверская, пермская (на налуче), рязанская и смоленская (на колчане). Всего, таким образом, саадак украшало девять геральдических клейм. Изображения всех титульных эмблем идентичны предшествующим (на саадачных покровцах и гербовом знамени), за исключением сибирской. В ней вместо дерева между соболями представлена стрела острием вниз. На смоленской же эмблеме изображена пушка, но без птицы на ней. Этот герб на саадаке оказался последним по порядку расположения (хотя в титуле обозначение Смоленска занимало более высокую позицию, перед «Тверским»), вероятно, как наиболее близкое территориальное приобретение.

В конце 1671 – начале 1672 года в Посольском приказе была создана «Большая государева книга, или Корень российских государей», называемая обычно «Царским титулярником» (или просто «Титулярником») ²³. Его первый экземпляр был поднесен Алексею Михайловичу 23 мая 1672 года, ныне он хранится в РГАДА ²⁴. Затем, в том же 1672 году, с него были сняты две копии – лично для царя и для его нового наследника, царевича Федора Алексеевича. Царская копия ныне находится в собрании Эрмитажной библиотеки ²⁵, экземпляр царевича – в Российской национальной библиотеке (РНБ) ²⁶. К сожалению, эрмитажный экземпляр сохранился не полностью, однако о его миниатюрах дает представление копия этого экземпляра, сделанная в начале XVIII века и также хранящаяся в РНБ ²⁷. «Титулярник» был первым русским гербовником. В него, в частности, впервые были включены титульные гербы русских царей в таком большом объеме. Каждый объект царского титула был проиллюстрирован соответствующим изображением. Всего «Титулярник» включает тридцать три титульных герба. Часть гербов была заимствована из геральдики и эмблематики тех стран и земель, названия которых вошли в царский титул в связи с их присоединением с конца XVI по вторую половину XVII века. Таковы комплекс гербов бывших земель Речи Посполитой (литовский, волынский, подольский, полоцкий, витебский, мстиславский) и герб карталинских и грузинских царей (изображение Георгия Победоносца, убивающего дракона).

Значительная часть старых титульных гербов была изменена. Изменения заключались прежде всего в дополнениях гербовых изображений новыми эмблемами. Так, в новгородском гербе престол, а вернее, ступенчатое возвышение) была заменена трон, увенчанным трисвечником, а к посоху добавился скипетр. В сибирском гербе атрибутами соболей стали лук со стрелами и корона, что объясняется составным характером этого герба, включившего эмблемы нескольких сибирских административных центров ²⁸. Часть дополнительных элементов носила подчеркнута христианский характер. Так, к псковскому гербу была добавлена выходящая из облаков рука, к пермскому – Евангелие, к вятскому – крест, к болгарскому – хоругвь. По-видимому, изменения этих гербов должны были подчеркнуть христианский характер Московского царства и усилить христианскую семантику символической репрезентации Российской державы.

В «Титулярнике» зафиксирован и целый ряд абсолютно новых гербов (киевский, владимирский, югорский, черниговский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и др.). По-видимому, частично при их создании ориентировались на опыт западноевропейской титульной и земельной геральдики ²⁹.

Геральдический характер эмблем «Титулярника» подтверждается также и тем, что принадлежность его экземпляров маркировалась с помощью некоторых изменений титульных гербов, в частности, поворота фигур и даже дополнительных элементов³⁰. Это еще раз подчеркивает, что титульные эмблемы воспринимались именно в качестве гербов, в рамках формирующейся геральдической культуры русского общества второй половины XVII века.

Как бы то ни было, представленный в «Титулярнике» свод титульных гербов был наиболее полным из всех имеющихся источников допетровского времени. Совершенно очевидно, что его созданию (как и унификации уже имеющихся гербов) способствовало окончание войны с Речью Посполитой в 1667 году и формирование новой редакции царского титула.

К концу XVII века относятся и некоторые письменные источники, описывающие или интерпретирующие титульные гербы России. Это так называемое «Описание гербам», текст, по-видимому, 1670-х годов, в котором представлены описания титульных гербов³¹, и геральдические вирши, созданные на рубеже 1670–1680-х годов неким носителем славянской культуры Великого княжества Литовского, возможно виленским шляхтичем Стахеем Ивановичем Гадзаловским, служившим переводчиком в Посольском приказе³². О. А. Белоброва полагала, что «Описание гербам» служило образцом для создания гербов «Титулярника», но на самом деле сопоставление описаний и изображений заставляют усомниться в этом выводе. «Описание гербам», очевидно, принадлежит к несколько иной эмблематической традиции, близкой, но не идентичной той, которая представлена в «Титулярнике». Вирши же, хотя и не могут, по-видимому, служить примером официальной интерпретации гербов (к сожалению, они сохранились не полностью), но чрезвычайно интересны с точки зрения их восприятия представителями культурного слоя того времени. Следует подчеркнуть, что эти интерпретации носят, как правило, сугубо христианский характер. Иными словами, гербовые фигуры титульных эмблем понимались в духовном, религиозном смысле, что в определенной степени соответствует тому усилению христианской семантики эмблем в «Титулярнике», которое было упомянуто выше.

К 1670-х годам относятся еще два памятника, на которых изображены титульные гербы. В 1673 году к Пасхе мастерами Оружейной палаты во главе с Прокофием Андреевым для царя Алексея Михайловича был сделан новый саадак, при этом на налуче вышит вид московского кремля, над которым помещалось изображение двуглавого орла (ср. с саадаком 1667 года), а вокруг в клеймах гербы новгородский, казанский, псковский, сибирский, тверской и пермский, на колчане же – рязанский и смоленский³³. Их изображения повторяют изображения гербов с саадака 1667 года, составляя таким образом единую традицию. Новации «Титулярника» 1672 года не нашли никакого отражения в гербах саадака 1673 года несмотря на то, что создание обоих памятников разделяет год. По-видимому, «Титулярник» не являлся образцом для мастеров Оружейной палаты, продолжавших воспроизводить прежние изображения с более ранних вещей. Единственной любопытной деталью отличается новгородский герб – количество рыб в нижней его части составляет не две, а три (в эрмитажном экземпляре «Титулярника», предназначавшегося для царя, их четыре).

Такое изображение новгородской эмблемы уникально, но находит подтверждение в еще одном письменном источнике. Это недатированное «Описание печатей царя Алексея Михайловича», которое представляет собой роспись печатей сибирских городов и острогов, предваренную описаниями четырех титульных печатей – казанской, астраханской, новгородской и псковской (и еще двух других – Терского города и Уфы)³⁴. Описание новгородской печати полностью соответствует ее изображению на саадаке 1673 года – там упомянуты как раз три, а не две рыбы. Таким образом, это описание можно соотнести с саадаком и датировать временем до начала 1670-х годов (по иным признакам оно датируется даже еще более ранним периодом – 1656–1665 годами³⁵). Вероятно, варианты эмблем «Описания...», как и саадаков представляли собой более архаичную линию в развитии титульной геральдики, нежели гербы «Титулярника».

1675 годом датируется золотая тарель, сделанная мастером Юрием Фробосом для Алексея Михайловича³⁶. На ней представлены шестнадцать гербов, именуемых «печатями», окружающие центральное изображение государственного герба. Восемь этих печатей большого размера, восемь – маленького. Восемь больших – это печати новгородская, казанская, астраханская, сибирская, псковская, смоленская, тверская и пермская. Восемь маленьких – нижегородская, болгарская, рязанская, вятская, ярославская, ростовская, объединенная удорская и обдорская и еще одна, неидентифицируемая, но по своему изображению похожая на новгородскую³⁷. Фробос очевидно был знаком с «Титулярником» и пользовался им, об этом, в частности, говорит объединение удорской и обдорской эмблем в одном щите. Присутствует среди территориальных эмблем и печать ярославская с медведем. Однако в ряде случаев он продолжал ориентироваться на старую традицию изображений, известную по саадакам и покровцам. Так, сибирская печать у Фробоса представляет собой двух соболей со стрелой между ними, а новгородская – ступенчатое место с посохом и двумя медведями. Все это свидетельствует о некоторой двойственности титульной геральдики в это время, когда наряду с новыми эмблемами, продолжали использоваться и их прежние варианты.

Еще одна тарель, приписываемая также Фробосу, датируется 1694 годом. Она была подарена царицей Натальей Кирилловной своему внуку, царевичу Алексею Петровичу³⁸. На этом, небольшом по размеру, предмете помещены восемь щитков с гербами – новгородским, астраханским, казанским, сибирским, псковским, смоленским, тверским и пермским. Само их расположение показывает, что мастер, бесспорно, ориентировался на тарель 1675 года. Точно так же воспроизведены и титульные гербы, правда, в иной стилистической манере. Таким образом, оба этих памятника представляют собой единую линию эмблематической преемственности.

Изображение же «печати» из «Дневника» Корба в плане титульных гербов практически точно воспроизводит рисунки из «Титулярника»³⁹. Ясно, что в дипломатической практике именно они выполняли функцию официальной репрезентации, и потому были известны иностранцам, участвовавшим в международных делах.

Не так давно М. Ю. Романов опубликовал обнаруженные им в Стокгольмском Музее армии три ротных знамени 13-го Московского стрелецкого

полка, которые были сделаны в марте 1691 года и захвачены шведами во время Северной войны в 1703 году. На этих знаменах сохранились одиннадцать (из двенадцати) титульных гербов, помещенных в декоративно оформленные барочные клейма (всего знамен было больше, но они не дошли до нас в полном комплекте). На знаменах представлены гербы: киевский, владимирский, новгородский, казанский, астраханский, сибирский (утрачен), псковский, литовский, югорский, «великопермский», вятский и болгарский – на каждом по четыре клейма⁴⁰. Большая часть гербов соответствует «Титулярнику», но остальные обнаруживают некоторые отличия, причем порой весьма существенные. Так, владимирский лев изображен стоящим не на задних лапах, а на трех с поднятой одной из передних; в новгородском гербе отсутствуют рыбы и трисвечник над престолом, который увенчан короной; в болгарском гербе вместо барса изображен лев. Но особенно удивителен «великопермский» герб (именно так назван титул на самом знамени). Вместо ожидаемого медведя с Евангелием, увенчанным крестом, на спине на знамени изображен слон, над головой которого помещен крест. Эта замена пока не находит убедительных объяснений (высказывавшееся предположение об изображении в виде слона мамонта вряд ли кажется обоснованным). В любом случае оригинальные изображения титульных гербов на ротных знаменах показывают ту самую вариативность в территориальной геральдике, которая прослеживается и по другим памятникам. Официальные изображения в «Титулярнике» были в большей степени некими обобщенными образами эмблем, нежели нормативными образцами для их повсеместного воспроизведения.

Подводя итоги, можно сделать несколько важных выводов.

1. В истории титульной геральдики России допетровского времени четко выделяются три этапа, когда происходили наиболее существенные изменения в ее составе и в самих изображениях гербов. Во-первых, это эпоха Ивана Грозного, точнее период Ливонской войны, когда, по-видимому, с ориентацией на западноевропейские образцы был создан первый комплекс титульных эмблем (частично, возможно, на основе предшествующей сфрагистической традиции). Во-вторых, это время царствования Михаила Федоровича, и особенно период конца 1620-х годов, характеризовавшийся созданием нового комплекса регальных предметов и связанный с необходимостью символической репрезентации новой династии в период после Смуты. В-третьих, это эпоха Алексея Михайловича, точнее период конца войны с Речью Посполитой (воспринимавшейся как война за ранее утраченные «отчины и дедины») и после нее, когда создавались новые формы символической репрезентации царской власти в новом статусе московского государства и государя.

2. В начальный период создания титульной геральдики значительную роль играли не только символические изображения чисто эмблематического характера, но и изображения, буквально отражавшие природные или хозяйственные особенности определенных регионов. Затем символический характер титульных эмблем усиливался, что придавало им большую геральдичность. Этот процесс, возможно, происходил под влиянием западноевропейской геральдики, некоторые фигуры которой были заимствованы для титульной геральдики России. Понимание титульных эмблем именно в качестве гербов стало абсолютно очевидным к началу

1670-х годов и отразилось в таком памятнике, как «Титулярник». Об этом свидетельствуют и генезис некоторых эмблем (в частности, сибирской), и особенности их изображения в разных экземплярах «Титулярника» в зависимости от их статуса и соответствующей принадлежности. В то же время в «Титулярнике» была усилена христианская семантика титульных гербов, отражавшая идеологему России как православного царства.

3. «Унификация» гербовых изображений происходила постепенно и не носила нормативного характера. Во второй половине XVII века существовали разные традиции изображения одних и тех же титульных гербов, более архаичные и более новые, кроме того, заметна и некоторая вариативность в деталях. Это могло быть связано также с разной «тематической» принадлежностью (дипломатия, военная репрезентация, царский обиход) и различным статусом тех памятников, «в состав» которых помещались гербовые изображения.

4. Для обозначения титульного герба в допетровской Руси использовался, тем не менее, термин «печать», отражавший и реальность, поскольку печати «титульных» земель существовали в действительности. Хотя к концу XVII века уже можно вполне однозначно говорить о российских титульных эмблемах как о чисто геральдическом явлении.

- ¹ Подробнее см.: Пчелов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 3–15.
- ² Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. Westdeutscher Verlag Opladen, 1972; Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России, X–XX века. М., 1997. С. 178–180.
- ³ Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 177, 178.
- ⁴ См. также: Осипов И. А. Рисунки в сочинениях иностранных писателей о Московии XVII века: заимствования, интерпретации, фантазии // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях: материалы I съезда историков Республики Коми. Ч. 2. Сыктывкар, 2018. С. 98–131; Он же. Герб России в дневнике И.-Г. Корба и его правка Г. Гюйсенем // Геральдика сегодня. 2014. URL: <http://www.ogerbah.ru/heraldry-science/papers/766-koib-osirov> (дата обращения: 01.10.2021) (с примеч. Д. Иванова).
- ⁵ Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
- ⁶ Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.
- ⁷ Обзор см.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 124–134, 140, 141.
- ⁸ Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 194–203.
- ⁹ Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV – XVII вв. М., 2011. С. 172, 173.
- ¹⁰ Хорошкевич А. Л. Герб. С. 184–186.
- ¹¹ Пчелов Е. В. Новгородский герб на тарели 1675 г., созданной мастером Юрием Фробосом // Новгородика – 2006: материалы международной научной конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2007. С. 309–317.
- ¹² Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. С. 133, 134.
- ¹³ Ефимов С. В. Холодная красота. Доспехи великих европейских оружейников XVI века в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск

- и войск связи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб., 2012. С. 367–373.
- ¹⁴ Там же. С. 369.
- ¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 136. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁶ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. С. 177. Парадоксально, что эта атрибуция Лакиера до сих пор (!) встречается в историографии (см.: *Молчанова О. В.* Двойной трон // Низвергнутые троны российского престола. М., 2018. С. 43. Причем автор полагает, что эта завеса трона утрачена (!)).
- ¹⁷ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. М., 1885. С. 336, 337.
- ¹⁸ *Мартынова М. В.* Московская эмаль XV–XVII веков : каталог. М., 2002. С. 65.
- ¹⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. С. 340, 341.
- ²⁰ *Яковлев Л. П.* Русские старинные знамена. М., 1865. [Ч.] 2. С. 34. Приложения. С. 41; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. М., 1884. С. 47, 48.
- ²¹ *Яковлев Л. П.* Русские старинные знамена. С. 33.
- ²² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. С. 330, 331.
- ²³ Царский титулярник. Т. 1–2. М., 2007 (современная публикация экземпляра Российского государственного архива древних актов).
- ²⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Дрвнлехранилище. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 1–244.
- ²⁵ Государственный Эрмитаж. Инв. № 28/78172.
- ²⁶ Российская национальная библиотека. Эрмитажное собрание. № 440.
- ²⁷ Там же. Основное собрание рукописей. № F. IV. 764. Об этом также см.: *Косцова А. С.* «Титулярник» собрания Государственного Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 3 : Русская культура и искусство. Вып. 1. Л., 1959. С. 16–40.
- ²⁸ *Пчелов Е. В.* Как сформировался герб Сибирского царства в XVI–XVII веках // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 92 : Геральдика: исследования и практика. СПб., 2018. С. 64–66.
- ²⁹ *Пчелов Е. В.* Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания : материалы XXI Международной научной конференции. М., 2009. С. 300–303.
- ³⁰ См.: *Пчелов Е. В.* Изображения титульных гербов России в различных экземплярах царского «Титулярника» // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 102 : Геральдика: исследования и практика. СПб., 2020. С. 9–19.
- ³¹ *Белоброва О. А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. 2005. № 85. С. 81–88.
- ³² *Nilsson N. A.* Russian heraldic virsi from the 17th century. A manuscript in the diocesan and county library at Västerås, Sweden. Stockholm ; Göteborg ; Uppsala, 1964.
- ³³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. С. 327, 328.
- ³⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 27. Д. 359. Л. 2, 2 об.
- ³⁵ См. подробнее: *Пчелов Е. В.* «Описание печатей Алексея Михайловича» и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 года : материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 190–194.
- ³⁶ *Мартынова М. В.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 123, 124.
- ³⁷ *Пчелов Е. В.* Несомненное мастерство и геральдическое «невежество» Юрия Фробоса (тарель 1675 г. из собрания Оружейной палаты: эмблемы и символы) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2015. С. 62–66.
- ³⁸ *Мартынова М. В.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 242.
- ³⁹ *Хорошкевич А. Л.* Герб. С. 248.
- ⁴⁰ *Романов М. Ю.* Знаменные регалии 13-го Московского стрелецкого полка // Старый цейхгауз. 2014. № 61. С. 4–13.